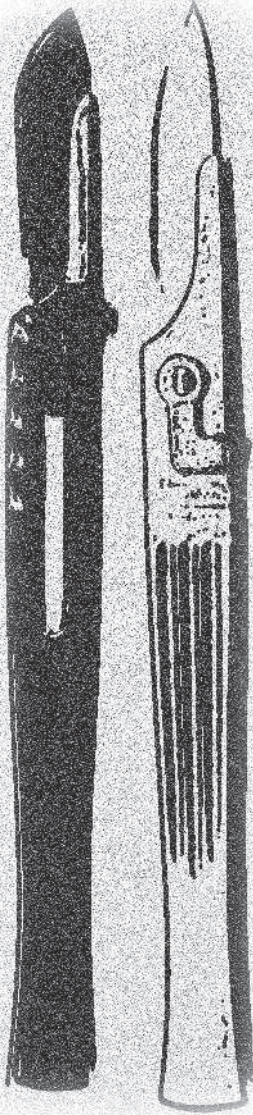

Рик Янси
МОНСТРОЛОГ

Рик Янси
МОНСТРОЛОГ
КРОВАВЫЙ ОСТРОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Я65

Rick Yancey
The Isle of Blood

*Published by arrangement with Simon & Shuster Books For Young Riders,
an imprint of Simon & Shuster Children's Publishing division*

Янси, Рик.

Я65 Монстролог. Кровавый остров / Рик Янси; пер. с англ. М. Моррис. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 528 с.

978-5-17-092336-6

Оказавшись в водовороте странных и жутких событий, таинственный монстролог доктор Уортроп и его ученик, сирота Уилл Генри, охотятся на чудовищ, распутывают загадочные истории и пытаются найти ответы на вечные вопросы, терзающие человечество. Однажды монстролог отправляется в путешествие с новым ассистентом, впервые оставив Уилла одного, и вскоре приходит трагическое известие о том, что доктор... погиб. Но Уилл не может поверить в то, что его учителя больше нет, и отправляется на поиски правды.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Coe)

978-5-17-092336-6

Copyright © 2011 by Rick Yancey
© М. Моррис, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«Марта шестого дня 1888 года над Средиземноморьем прошел красный дождь. Спустя дюжину дней необычные осадки выпали вновь. Чем бы ни было означенное вещество, при сожжении оно издавало стойкий и крепкий животный запах».

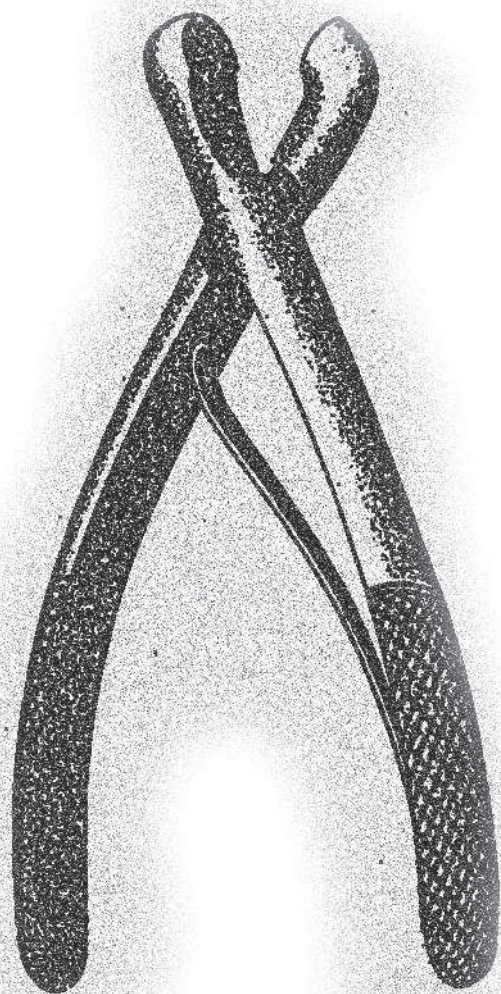
(«Астрономия», 1888 год)

«[Предмет, упавший с небес,] имел округлую форму и походил на соусник либо салатник, перевернутый вверх дном; был он около восьми дюймов в диаметре и около дюйма — в толщину, цвета яркой буйволово́й кожи и поросший наверху тонким ворсом наподобие войлочного изделия... Удалив это ворсистое покрытие, мы обнаружили под ним плоть, также цвета буйволово́й кожи, похожую по консистенции на мягкое, хорошо сваренное мыло. Мякоть эта, будучи обнажена, издавала запах, издали неприятный и удушающий, вблизи же и вовсе невыносимый, вызывающий головокружение и тошноту. Спустя несколько минут на воздухе, зловонная плоть изменила свой цвет на подобный цвету венозной крови».

Профессор Руфус Грейвз,
«Американский научный журнал», 1819 год

«А станешь искать упавшую звезду, — сказал отшельник, — так найдешь лишь смердящий студень, что, пролетая над горизонтом, на миг принял чарующее обличие».

Сэр Вальтер Скотт, «Талисман»,
1825 год

ΠΡΟΛΟΓ

сентябрь 2010 года:

«КОНТАКТ»

«У каждого кто-нибудь да есть». Уже больше трех лет прошло с тех пор, как директор дома престарелых вручил мне тринадцать записных книжек в кожаных переплетах — скудное наследство почившего нищего, утверждавшего, что зовут его Уильям Джеймс Генри. Директор не знал, что с ними делать; и, положив руку на сердце, после прочтения первых трех блокнотов не знал и я.

Взбесившиеся безголовые машины смерти в Новой Англии конца девятнадцатого века. «Философ в области ненормативной биологии», изучающий их — и устраняющий, если понадобится. Крохотные паразиты, неведомым образом дарящие зараженным нечеловечески долгий срок жизни — если, конечно, не решат вдруг прикончить носителя. Вскрытия под покровом ночи, безумцы, человеческие жертвоприношения, чудовища, засевшие в подземных логовищах, — и охотник на монстров, могущий оказаться (а могущий и не оказаться) самым знаменитым серийным убийцей в истории... Определенно, странный и жуткий «дневник» Уилла Генри представлял собой не то вымысел, не то хитроумную и искусно пересказанную галлюцинацию человека, давно простившегося со своим рассудком и не скрывающего собственного безумия.

Чудовищ не существует.

Однако человек, писавший о них, вне всякого сомнения существовал. Я говорил со знавшими его: с парамедиками, доставившими в больницу бесчувственное тело (кто-то, совершая оздоровительную пробежку, заметил старика,

сентябрь 2010 года:

лежащего в сточной канаве); с созработниками; с полицейскими, расследовавшими его случай; с сотрудниками и волонтерами в доме инвалидов и престарелых, в котором Уилл Генри окончил свою необычайно долгую (131 год, по его словам) жизнь, — с людьми, купавшими его, кормившими его, читавшими ему вслух и скрашивавшими его последние дни. Я никогда не сомневался в его реальности — сомневался лишь в нем самом. Кто он был — Уильям Джеймс Генри? Откуда был родом? Что за прискорбные события привели его в итоге на дно канавы — полумертвым от голода, лишенным всего, кроме разве что одежды — да тех тринадцати исписанных от руки блокнотов, что составляли единственное его богатство?

«У каждого кто-нибудь да есть», — сказал директор дома престарелых. Кто-то обязан был знать ответ на все эти вопросы. Я взялся найти этого человека; приманкой для него стали первые три томика дневников Генри, опубликованные мной под видом «Ученика монстролога» в 2009 году. Спустя год я напечатал следующий блок — «Проклятье Вендиго». Невзирая на то, что повествование Генри едва-едва удерживалось на грани между диковинным и безумным, я все же надеялся, что автор сохранил в нем достаточно правды о себе и о своей жизни, чтобы читатель узнал между строк друга, коллегу, родственника — и вышел со мной на связь. Я верил: у бедолаги, что звал себя Уиллом Генри, кто-нибудь где-нибудь да есть.

Неверно было бы думать, что мной двигало лишь любопытство. Уилл Генри умер в одиночестве, всеми оставленный, и лег в братскую могилу без имени — прах к праху таких же бедняков, неоплаканных и забытых. Я прикипел к нему сердцем; и по причинам, которые и сейчас не совсем мне понятны, я хотел помочь ему вернуться домой.

Вскоре после выхода «Монстролога» пришла пора разбирать электронную (и бумажную) почту. В основном мне писали психи (клявшиеся, будто знают, кто на самом деле был Уилл Генри) и жулики (прибавлявшие, что поделятся со мной этим знанием — ясное дело, не безвозмездно). Попалось, впрочем, и сколько-то вполне благонамеренных писем, подкинувших дельные зацепки для дальнейшего расследования. Кто-то предсказуемо обвинял меня в том, что я всего лишь мистификатор и «Монстролога» написал сам. Прошел год, затем два, а к правде я ближе так и не стал; мои собственные исследования также не принесли никаких существенных плодов. В сущности, два года спустя я знал о Уилле Генри едва ли не меньше, чем в самом начале этого пути.

Затем, ранней осенью прошлого года, я получил вот такое электронное письмо от читательницы из пригорода Нью-Йорка:

*«Дорогой мистер Янси,
надеюсь, вы не подумаете, что я сумасшедшая или мошенница или что-то в этом духе. Моей дочери задали вашу книгу по литературе, и вчера она прибежала сама не своя — дело в том, что у нас и правда есть родственник по имени Уилл Генри. Он был женат на моей двоюродной прабабке по отцовской линии. Возможно, это всего лишь совпадение; но, если всю эту историю про якобы найденные дневники вы и правда не выдумали, то, думаю, это может вас заинтересовать.
Искренне ваша,*

Элизабет Ридл».*

* По ее просьбе имя было изменено, чтобы защитить тайну личности.

сентябрь 2010 года:

Сколько-то писем и один телефонный звонок, и вот я уже лечу в Нью-Йорк — поговорить с Элизабет в ее родном Оберне. После весьма приятной беседы (и нескольких чашек кофе в местной забегаловке) она отвела меня на кладбище Фортхилл. Моя проводница — живая и открытая дама средних лет — похоже, уже полностью разделяла мою околдованность тайной Уилла Генри. Она согласилась — как согласился бы всякий разумный человек на ее месте, — что в его записках было куда больше выдумки, нежели правды, однако подлинность ее кровной связи с человеком, которого также звали Уильям Джеймс Генри, не вызывала ни малейших сомнений; связи, что привела меня в Нью-Йорк — и на это кладбище. Элизабет послала мне, конечно, фото надгробия; но я хотел увидеть его своими глазами.

То был чудесный день: деревья гордо стояли во всей роскоши осеннего убора, а пронзительно-синее небо казалось чистым, как алмаз. И вот, спустя три года и три месяца после того, как я впервые увидел преследовавшие меня с тех самых пор слова («Вот тайны, что я хранил. Вот вера, которой я не предал...»), я стоял у могилы и читал на гранитной плите:

ЛИЛЛИАН БЕЙТС ГЕНРИ

1874—1950

Возлюбленная супруга

Изгнанные из рая,

Жаждем изгнания из ада.

— Я ее не застала, — проговорила Элизабет. — Но папа рассказывал, что личность она была... интересная.

Я же никак не мог оторвать взгляд от надгробия. До этого момента у меня не было ни одной материальной зацепки — кроме, конечно, самих дневников, нескольких вырезок из старых газет и прочих артефактов сомнительной ценности, заткнутых меж пожелтевших страниц. А теперь передо мной было имя, вырезанное в камне... Нет. Больше, чем имя. Здесь, в буквальном смысле у моих ног, лежал человек — человек, про которого писал Уилл.

— А его вы знали? — хрипло спросил я. — Уилла Генри? Элизабет покачала головой.

— И его тоже. Она умерла, а через пару лет он исчез — меня тогда еще не было. Пожар...

— Пожар?

— Там случился пожар — в доме Лили и Уилла. Все, все пропало — сгорело. Полиция подозревала поджог... да и семья, в общем, тоже.

— Думали, Уилл Генри приложил к этому руку?

— Он им не больно-то нравился.

— И почему же?

Ее передернуло.

— Папа говорил, он был... странный. Но дело было не в этом. Не только в этом. Вот, — Элизабет вдруг принялась рыться в сумочке, — я принесла ее фотографию.

— А Уилл на ней есть? — спросил я, чувствуя, как сердце мое забилося куда чаще.

Она протянула мне выцветшую полароидную карточку, слегка повернув, чтобы на фото не бросало блик яркое, в самом зените стоявшее солнце.

— Кроме вот этой, я в папиных вещах ничего не нашла; но поищу еще, может, повезет больше. Это с ее семидесятипятилетия.